

Научная статья
УДК 343.2
<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-139-145>

Конституционно-правовой смысл или изменение буквы уголовного закона?

Евгений Сергеевич Квасников, кандидат юридических наук

Омская академия МВД России
Омск, (644092, пр. Комарова, д.7), Российская Федерация
evgen1219@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2418-3900>

Аннотация:

Введение. Актуальность темы исследования обусловлена влиянием Конституционного Суда Российской Федерации (далее – Конституционный Суд) на развитие уголовного права. Нормы, в т. ч. уголовного права, не просто регулируют отношения в обществе, но и адаптируются к современным реалиям, трансформируются под воздействием правоприменительной практики и судебных решений. Одним из инициаторов этого процесса является Конституционный Суд, чья роль в интерпретации и корректировке правовых норм значительно возросла. В уголовном законе закреплено, что преступность и наказуемость определяется только Уголовным кодексом Российской Федерации. Тем не менее позиции Конституционного Суда по конкретным уголовным делам оказывают огромное влияние на правоприменение и формируют новую правовую реальность. В последние годы наблюдается тенденция изменения смысла уголовно-правовых норм через призму их интерпретации Конституционным Судом. Однако в связи с противоречием правовой позиции Конституционного Суда и буквой уголовного закона, в определенных ситуациях возникают сложности квалификации. Корректировка отдельных положений сферы уголовной ответственности затрагивает важнейшие права и свободы человека, а, следовательно, влияет на трансформацию уголовно-правовой системы в целом. Вместе с тем, насколько можно судить о формировании этой новой правовой реальности в сторону справедливости баланса между интересами государства и правами граждан, и реализации принципа разделения властей?

Методы. Методологическую основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы познания: диалектический, формальной логики (анализ, синтез, индукция, дедукция), исторический, системный, сравнительного исследования, и ряд других.

Результаты. Исследована проблема отнесения правовой позиции Конституционного Суда к источникам уголовного права. Проанализированы мнения ученых-правоведов по данному вопросу, а также судебная практика. Автором обосновывается проблема тенденции фактического восполнения пробелов в уголовном законе не законодателем, а посредством правовой позиции Конституционного Суда, а также приводится видение ее решения.

Ключевые слова:

конституционно-правовой смысл, уголовный закон, источники, преступление, квалификация, правоприменитель

Для цитирования:

Квасников Е. С. Конституционно-правовой смысл или изменение буквы уголовного закона? // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1 (105). С. 139–145. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-139-145>.

Статья поступила в редакцию 28.10.2024;
одобрена после рецензирования 12.02.2025;
принята к публикации 20.03.2025.

Original article

Is it constitutional and legal concept or change of interpretation of criminal law?

Evgeny S. Kvasnikov, Cand. Sci. (Jurid.)

Omsk Academy of the MIA of Russia
7, Komarov str., Omsk, 644092, Russian Federation
evgen1219@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2418-3900>

© Квасников Е. С., 2025

Abstract:

Introduction. The relevance of the topic we study is due to the influence of the Constitutional Court of the Russian Federation (hereinafter the Constitutional Court) on the development of criminal law. It is asserted that legal norms, including those that fall under the purview of criminal law, both regulate relations in society and also are adapted to the contemporary realities and changed under the influence of law enforcement practice and judicial decisions. The Constitutional Court plays a pivotal role in this process. Its ability to interpret and adjust legal norms significantly has been greatly enhanced. It is a fundamental principle of criminal law that the determination of criminality and punishment are only based on the provisions outlined in Criminal Code of the Russian Federation. Nevertheless, the positions of the Constitutional Court on particular criminal cases have a huge impact on law enforcement and form a new legal reality. In recent years, there has been a tendency to change the concept of criminal law norms through the prism of their interpretation by the Constitutional Court. However, there is the contradiction between the legal position of the Constitutional Court and interpretation of criminal law. This makes it harder to determine the appropriate legal classification for specific situations. The modification of specific provisions in the framework of criminal liability has the potential to impact fundamental human rights and freedoms, thereby influencing the transformation of the entire criminal legal system. At the same time, to what extent can we judge the formation of this new legal reality in terms of fair balance between the interests of the state and the rights of citizens, and the implementation of the principle of separation of powers.

Methods. The study was conducted using a variety of methodological approaches, encompassing general scientific and private scientific methods of cognition: dialectical, formal logic (analysis, synthesis, induction, and deduction), historical, systemic, and comparative study and others.

Results. This study examines the issues of how the legal position of the Constitutional Court should be considered part of the sources of criminal law. The analysis encompasses the opinions of legal scholars on this issue, as well as judicial practice. The author substantiates the problem of the tendency of filling gaps in the criminal law not by the legislator, but by means of the legal position of the Constitutional Court and also puts forward a vision of its solution.

Keywords:

constitutional and legal concept, criminal law, sources, offence, qualification, law enforcement office

For citation:

Kvasnikov E. S. Is it constitutional and legal concept or change of interpretation of criminal law? // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 1 (105). P. 139–145. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-139-145>.

The article was submitted October 28, 2024; approved after reviewing February 12, 2025; accepted for publication March 20, 2025.

Введение

Конституционно-правовой смысл в правоприменении – это правовая интерпретация нормативных актов (законодательных норм), которая дается в контексте и на основе Конституции Российской Федерации [1]; специфический способ толкования законов [2], при котором они приводятся в соответствие с основными конституционными принципами и нормами. Любое решение Конституционного Суда Российской Федерации (далее – Конституционный Суд) имеет важное значение для материального права, обогащает его предписания [3, с. 13].

Конституционный Суд, выявляя конституционно-правовой смысл, формулирует правовые позиции, которые ограничивают или изменяют направление правоприменения таким образом, чтобы не было допущено нарушение конституционных прав и свобод [4]. В своих решениях он правомочен указывать, что конкретная норма закона допустима только в рамках определенного конституционно-правового смысла, исключая все иные, неконституционные варианты толкования. Для правоприменения это означает, что любая норма права должна применяться с учетом ее соответствия Конституции Российской Федерации. Если норма может быть истолкована так, что она противоречит конституционным гарантиям реализации прав человека или принципам правового государства, правоприменитель обязан выбирать такое толкование, которое соответствует Конституции Российской Федерации.

Но вправе ли правовая позиция Конституционного Суда восполнять пробелы в уголовном законодательстве? Этот вопрос является одной из ключевых проблем правоприменительной практики, т. к. возникает проблема допустимости и границ вмешательства судебной власти в сферу уголовного права, которая традиционно находится в компетенции законодателя. Насколько подобное явление соответствует принципу разделения властей, защитным механизмам правового государства и справедливому правосудию?

Методы

Методологическую основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы познания: диалектический, формальной логики (анализ, синтез, индукция, дедукция), исторический, системный, сравнительного исследования, и ряд других.

Результаты

Прежде чем ответить на поставленные вопросы, важно вспомнить ключевые аспекты сущности пробелов в праве, функций Конституционного Суда, а также принципов уголовного права.

Пробел в праве возникает тогда, когда определенный вопрос не урегулирован законом, несмотря на то, что такая правовая норма должна существовать в силу объективной необходимости [5]. Данная ситуация может возникнуть из-за недостаточной конкретности положений законодательных актов или произошедших изменений в общественных отношениях, на которые законодатель не успел вовремя отреагировать. В уголовном праве пробелы особенно опасны, поскольку речь идет о самой жесткой форме государственного принуждения – уголовной ответственности.

Конституционный Суд наделен полномочиями проверять соответствие федеральных законов основному закону страны – Конституции Российской Федерации. Его основная функция – судебный конституционный контроль [6, с. 68] и обеспечение верховенства Конституции Российской Федерации. Это не означает, что Конституционный Суд может заменять собой законодателя и фактически изменять нормы права. Его задачами являются толкование конституционных норм и, при необходимости, признание неконституционными тех или иных положений законодательства.

Уголовное право России основано на строгих принципах законности и определенности. Принцип законности предполагает, что наказание возможно только за деяния, предусмотренные законом [7]. Принцип определенности означает, что все нормы должны быть сформулированы четко и недвусмысленно, чтобы граждане могли точно знать, какие действия являются преступными и какие санкции им грозят за их совершение [8].

Вопрос о том, может ли правовая позиция Конституционного Суда восполнять пробелы в уголовном праве, представляет собой дилемму. С одной стороны, пробелы в уголовном законодательстве могут нарушать права граждан, т. к. создают правовую неопределенность. Конституционный Суд, выявляя эти пробелы в процессе рассмотрения дел, сталкивается с необходимостью защиты прав человека и может призвать законодателя исправить правовую норму. С другой стороны, восполнение пробелов – это функция законодателя, а не суда. Конституционный Суд не имеет права напрямую изменять содержание уголовных норм или формулировать новые положения. Его задача заключается в том, чтобы указывать на неконституционные положения, если они нарушают права граждан, и обязывать законодателя устранить эти нарушения. Однако есть случаи, когда суд, формулируя правовые позиции, фактически создает новые правила правоприменения, восполняя пробелы, что вызывает правовые споры о превышении его полномочий.

Ярким примером этого может являться определение Конституционного Суда от 19 июля 2016 г. № 1640-О, в соответствии с которым было отказано в принятии к рассмотрению жалобы гр. С. на нарушение его конституционных прав ст. 300 Уголовного кодекса Российской Федерации¹ (далее – УК РФ). Согласно данной статье, уголовно наказуемым является незаконное освобождение от уголовной ответственности лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, прокурором, следователем или лицом, производящим дознание. Суть данного определения заключается в том, что Конституционный Суд фактически расширил диспозицию ст. 300 УК РФ – «...необходимо учитывать не только формальное процессуальное, но и фактическое положение лица, в отношении которого осуществляется публичное уголовное преследование (то есть изобличенное в совершении преступления на стадии предварительной проверки лица, а не только подозреваемое или обвиняемое лицо)»².

Возникает вопрос, как правоприменителю квалифицировать данные преступления? Руководствоваться положениями уголовного закона или определением Конституционного Суда? Как известно, УК РФ является единственным источником уголовного права, и также небыл известно, что правоприменение отличается гибкостью, о чем свидетельствует изобилие судебной практики, не отличающейся единообразием. Можно привести в пример определение Конституционного Суда от 8 декабря 2011 года № 1623-О-О «По запросу Лабытнангского городского

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 02.10.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 1996. № 25. Ст. 2954.

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ставцева Александра Дмитриевича на нарушение его конституционных прав статьей 300 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 июля 2016 г. № 1640-О // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (далее – СПС «КонсультантПлюс»). URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=474137#XxxPacUuKU6ZosR51> (дата обращения: 18.10.2024). Документ опубликован не был.

суда Ямало-Ненецкого автономного округа о проверке конституционности пункта «о» части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации³. Данный пункт до вступления в силу Федерального закона от 13 июня 2023 г. № 210-ФЗ⁴ предусматривал обстоятельство, отягчающее наказание – совершение умышленного преступления сотрудником органа внутренних дел (далее – ОВД). Указанное определение послужило началом для вынесения последующих (от 17 июля 2012 г. № 1330-О, от 24 января 2013 г. № 129-О, от 21 марта 2013 г. № 420-О, от 29 мая 2014 г. № 1064-О, и др.), суть которых была аналогична первоначальному определению.

При рассмотрении уголовного дела Лабитнангским городским судом Ямало-Ненецкого автономного округа возник вопрос о противоречии данного пункта конституционному принципу равенства всех перед законом и судом, т. к., по мнению заявителя, усматривается дискриминация по профессиональному признаку сотрудников ОВД при привлечении их к уголовной ответственности за совершение умышленного преступления.

Конституционный Суд разъяснил, что закрепление пункта «о» в ст. 63 УК РФ не может рассматриваться как противоречащее конституционному принципу равенства всех перед законом, поскольку «...совершение сотрудниками органов внутренних дел, на которых возложена исключительная по своему объему и характеру – даже в сравнении с сотрудниками иных правоохранительных органов – ответственность по защите жизни и здоровья граждан, противодействию преступности и охране общественного порядка, умышленного преступления свидетельствует об их осознанном, вопреки профессиональному долгу и принятой присяге, противопоставлении себя целям и задачам деятельности полиции, что способствует формированию негативного отношения к органам внутренних дел и институтам государственной власти в целом, деформирует нравственные основания взаимодействия личности, общества и государства, подрывает уважение к закону и необходимости его безусловного соблюдения и, как следствие, предполагает допустимость поиска законодателем наиболее адекватных мер уголовно-правового реагирования на подобный рода преступные деяния, в том числе при определении общих начал назначения уголовного наказания»⁵.

Однако указанным выше Федеральным законом данный пункт все же был исключен из ст. 63 УК РФ. В пояснительной записке к проекту федерального закона отмечено, что основанием для исключения такого пункта является «... фактическая дискриминация сотрудников органов внутренних дел по сравнению с работниками других государственных структур, отнесенных к категории правоохранительных органов»⁶.

Какой для правоприменителя из этого можно сделать вывод, когда Конституционный Суд говорит о том, что указанный пункт соответствует Конституции Российской Федерации, а законодатель полагает, что не соответствует?

Вернемся к ст. 300 УК РФ. Как поступать правоприменителю при квалификации незаконного освобождения от уголовной ответственности, например, в случае незаконного вынесения постановления об отказе в возбуждении дела? В диспозиции данной нормы прямо указаны признаки элементов состава преступления. Соответственно, ошибки в квалификации вследствие заблуждения быть не может. Поэтому в данном случае квалификация незаконного отказа в возбуждении уголовного дела (когда на стадии предварительной проверки лица не наделены статусом подозреваемого или обвиняемого) по ст. 300 УК РФ будет прямо противоречить букве уголовного закона. Если так, то возбуждение уголовного дела по ст. 300 УК РФ в отношении лица, незаконно отказавшего возбуждать уголовное дело, для правоприменителя чревато ответственностью, предусмотренной ст. 299 УК РФ «Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности или незаконное возбуждение уголовного дела».

Также представляет интерес интерпретация Конституционным Судом ст. 303 УК РФ «Фальсификация доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности». Исходя из ранее сложившейся судебной практики, «... фальсификация по смыслу закона заключается

³ По запросу Лабитнангского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа о проверке конституционности пункта «о» части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 8 декабря 2011 г. № 1623-О-О // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_123761/ (дата обращения: 18.10.2024). Документ опубликован не был.

⁴ О признании утратившим силу пункта «о» части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 13 июня 2023 г. № 210-ФЗ // СЗ РФ. 2023. № 25. Ст. 4399.

⁵ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_123761/ (дата обращения: 18.10.2024).

⁶ Пояснительная записка к законопроекту «О признании утратившим силу пункта „о“ части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации» (об исключении из числа отягчающих наказание обстоятельств совершение преступления сотрудником органа внутренних дел) // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации : Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» (СОЗД ГАС «Законотворчество») : [официальный сайт]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/215274-8> (дата обращения: 18.10.2024).

в сознательном искажении представленных в уголовное дело доказательств, на основе которых органами предварительного расследования или судом принимается решение»⁷. Такое понимание содержательной части фальсификации существует и в научной сфере [9; 10].

Тем не менее из позиции Конституционного Суда по жалобе гр. П. на нарушение ее конституционных прав ст. 303 УК РФ следует: «...изготовление протокола следственного действия без фактического его проведения в целях приобщения такого документа к материалам уголовного дела не только является процессуальным нарушением, но и подрывает само существо уголовного судопроизводства, а потому достигает того уровня общественной опасности, который в правовой системе России легитимирует уголовное преследование»⁸.

Из факта уголовного дела: гр. П., являясь следователем, на основе аудиозаписи телефонного разговора со свидетелем составила протокол допроса. Подписи от имени свидетеля по просьбе П. выполнены иным лицом. При этом по делу установлено, что разговор со свидетелем действительно был, в бланк протокола П. внесла реальные показания, в связи с чем последняя настаивала на том, что нарушение лишь процедуры следственного действия, а не искажение его результатов, не констатирует причинение вреда интересам правосудия, а, следовательно, не является фальсификацией доказательства.

Таким образом, из определения Конституционного Суда по ст. 303 УК РФ следует, что данная норма должна применяться и в случае сознательного искажения представленных в уголовное дело доказательств, и в случае нарушения процедуры следственного действия, несмотря на то, что закрепленные в процессуальных документах сведения являются действительными (т. е. когда фактически содержательная сторона доказательств не искажена). Отметим, что ранее Конституционный Суд обосновывал общественную опасность фальсификации доказательств именно через их содержательную сторону – искажение, которое может привести к незаконным и ошибочным судебным решениям⁹.

В рамках темы исследования нельзя не затронуть интерпретацию понятия хищения в краже. Сложность квалификации хищений появляются, в т. ч. когда критерии отграничения уголовно-наказуемых хищений от гражданских правонарушений не выработаны. Возникают ситуации противоречия интерпретации данного понятия в теории и в практике.

А. В. Бриллиантов, анализируя состав кражи, указывает, что при совершении тайного хищения чужого имущества титульный владелец обладает предметом хищения, соответственно, нельзя похитить то, чего у собственника или иного законного владельца в обладании нет [11, с. 9]. Д. М. Молчанов, Е. Н. Шевченко в качестве признака кражи отмечают противозаконное изъятие чужого имущества из чужого владения, а обращение такого имущества рассматривают в качестве обстоятельства, свидетельствующего об окончании кражи [12]. Аналогичной позиции придерживается О. В. Трофимов¹⁰.

Постановлением Конституционного Суда от 12 января 2023 года № 2-П примечание к ст. 158 УК РФ интерпретировано в том смысле, что признаками кражи могут являться действия лица, обнаружившего найденную вещь, направленные на ее присвоение: сокрытие вещи; уничтожение или повреждение индивидуализирующих признаков, т. е. такие противоправные и активные действия обуславливают недостаточность гражданско-правовых мер по защите прав его законного владельца и обладают признаком общественной опасности¹¹. Данные разъяснения даются через призму действия, альтернативного изъятию – противоправному обращению найденного имущества в пользу нашедшего или других лиц.

⁷ Кассационное определение Судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам от 18 апреля 2007 г. № 20-О07-8 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://base.garant.ru/55718190/> (дата обращения: 18.10.2024). Документ опубликован не был.

⁸ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Покараевой Полины Михайловны на нарушение ее конституционных прав статьей 303 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2023 г. № 3256-О // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=793037#Zs4jacU820oVkc4O1> (дата обращения: 18.10.2024). Документ опубликован не был.

⁹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Чогина Фиделя Павловича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьей 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27 мая 2021 г. № 947-О // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=669654#Kk4lacU2vZtYwleM1> (дата обращения: 18.10.2024). Документ опубликован не был.

¹⁰ Трофимов О. В. Изъятие и (или) обращение чужого имущества как критерий разграничения мошенничества от кражи // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 4 (72). С. 107–109.

¹¹ По делу о проверке конституционности статьи 227 Гражданского кодекса Российской Федерации, части первой и пункта 1 примечаний к статье 158 Уголовного кодекса Российской Федерации, статей 75, 87 и 88 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.В. Галимьяновой и В.С. Пузрякова : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 12 января 2023 г. № 2-П // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_437511/ (дата обращения: 18.10.2024). Документ опубликован не был.

Однако, учитывая вышеуказанные мнения ученых и углубляясь в историю регламентации рассматриваемого уголовно-правового запрета, можно сделать вывод, что действия по обращению чужого имущества без его противоправного изъятия не могут быть квалифицированы как кража.

Так, в примечании к ст. 144 УК РСФСР 1960 г.¹² под хищением так же, как и в примечании к ст. 158 УК РФ, понимались противоправные действия – изъятие и (или) обращение чужого имущества. Уголовная ответственность за присвоение найденного или случайно оказавшегося у виновного чужого имущества была регламентирована отдельной уголовно-правовой нормой – ст. 148⁴ УК РСФСР. «С принятием УК РФ, деяния, связанные с присвоением найденного или случайно оказавшегося у виновного ценного имущества, заведомо принадлежащего другому собственнику, были декриминализованы. В настоящее время совершение указанных действий влечет только гражданско-правовую ответственность. При этом гражданско-правовую ответственность могут повлечь только противоправные действия, связанные с присвоением найденного имущества, в том числе совершенные тайно, из корыстных побуждений и с целью незаконного обогащения. Если лицо, обнаружившее находку, выполнило все требования, предусмотренные ст. 227 Гражданского кодекса Российской Федерации¹³ (далее – ГК РФ) (уведомило лицо, потерявшее вещь или ее собственника, передало имущество владельцу транспортного средства или помещения, в которых была обнаружена данная вещь и т. п.), оно вообще не подлежит никакой ответственности, т. к. его действия являются правомерными»¹⁴.

Статья 227 ГК РФ регламентирует правило поведения при находке чужого имущества, суть которого сводится к уведомлению об этом собственника, возврату вещи, ее сдаче соответствующим лицам. Однако нельзя утверждать, что невыполнение указанных обязанностей тождественно противоправному изъятию чужого имущества [13; 14].

Полагаем, что логика уголовно-наказуемого изъятия и (или) обращения чужого имущества состоит в том, что данные действия были произведены против воли титульного владельца имущества, в ведении которого оно находится. Иными словами, кражей будут являться действия, в результате которых имущество «изымается» из обладания. Вопрос об обращении чужого имущества в свою пользу связан с присвоением или растратой имущества, а не с его кражей. Вместе с тем условием привлечения к уголовной ответственности по ст. 160 УК РФ, как правило, является факт передачи имущества и надлежащее оформление правомочий по пользованию, хранению, распоряжению вверенным имуществом. Нет факта передачи – нет присвоения или растраты (ст. 160 УК РФ) [15]. Если же имущество вышло из владения титульного владельца по его воле, состав уголовно наказуемого хищения отсутствует. Так, например, в соответствии со ст. 226 ГК РФ «Движимые вещи, от которых собственник отказался», определенные движимые вещи, брошенные собственником или иным образом оставленные им с целью отказа от права собственности на них (брошенные вещи), могут быть обращены другими лицами в свою собственность.

Из сказанного следует, что термин «обращение» должен толковаться как способ присвоения / растраты, в то время как кража немыслима без изъятия, предшествующего обращению. В момент изъятия чужого имущества преступление находится на стадии покушения, в момент его обращения – когда виновный имеет реальную возможность им пользоваться или распоряжаться по своему усмотрению, преступление окончено. В связи с этим термин «обращение», указанный в ст. 158 УК РФ, предполагает реальную возможность виновного реализовать чужое имущество в свою пользу или пользу других лиц, а следовательно, свидетельствует скорее об окончании совершения кражи, нежели о присвоении найденного.

Таким образом, в юридической сущности кражи и присвоения найденного есть различия. Думается, что по этой причине в УК РСФСР 1960 г. и была предусмотрена отдельная норма, регламентирующая ответственность за присвоение найденного имущества.

Однако, исходя из конституционно-правового смысла рассматриваемого примечания к ст. 158 УК РФ, допустимо квалифицировать деяние как кражу, например, в том случае, когда собственник вещи сначала отказался от нее, нашедший вещь присвоил ее себе, однако в последующем собственник вещи передумал и решил ее забрать во владение обратно. В связи с этим возникает вопрос о наличии в действиях нашедшего признака противоправности, ведь изначально

¹² Уголовный кодекс РСФСР (утв. Верховным Советом РСФСР 27.10.1960) (ред. от 30.07.1996) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591. Документ утратил силу.

¹³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

¹⁴ Апелляционное постановление Томского областного суда от 12 мая 2016 г. по уголовному делу № 22-823/2016 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации (СудАкт.Ру) : [сайт]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/58ABEdMraCH1/> (дата обращения: 21.10.2024).

имущество выбыло из владения собственника по его воле. Пример грубый, однако при недоказанности первоначального выбытия имущества по воле собственника данная ситуация гипотетически возможна, а следовательно, и соответствующая квалификация, исходя из правовой позиции Конституционного Суда. Кроме того, может возникнуть необоснованная конкуренция уголовно-правовых норм. В частности, ст. 175 УК РФ «Приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем» и ст. 158 «Кража» в случаях, когда, например, работая в ломбарде, субъект каким-то образом узнает, что имущество похищенное, т. е. для него является чужим, и обращает его в свою пользу или пользу других лиц. Сбыт и «обращение» в конституционно-правовом смысле по объективной стороне преступления в данном случае аналогичны.

3 заключение

Уголовно-правовая сфера должна характеризоваться ясностью и определенностью. Оказание на нее влияния извне может спровоцировать ситуацию правовой нестабильности и нарушить баланс между ветвями власти. Конституционный Суд, осуществляя судебный конституционный контроль и обеспечение верховенства Конституции Российской Федерации через интерпретацию конституционно-правового смысла уголовно-правовых норм, толкует и создает правовые позиции, которые должны являться ориентиром для законодателя, а не фактическим восполнением пробелов в праве. Важно, чтобы это было исключением, а не правилом, и сопровождалось четкими требованиями к законодателю устранить пробелы.

В настоящее время наблюдается тенденция прямо противоположная. В некоторых ситуациях проблема правоприменения остается сложно разрешаемой. В статье были приведены примеры, когда конституционно-правовой смысл изменяет буквальное толкование норм уголовного закона. В целом такую тенденцию составляет, во-первых, изменение смысла содержания норм, во-вторых, изменение смысла формы норм. Если в первом случае квалификация соответствующих преступлений для правоприменителя имеет более «широкие пределы», то во втором случае правоприменитель попадает в сложную ситуацию, как например со ст. 300 УК РФ, когда, исходя из конституционно-правового смысла, в некоторых ситуациях он обязан действовать вопреки требованиям УК РФ. Данная проблема разрешится только тогда, когда правовая позиция Конституционного Суда не будет противоречить букве закона.

Список источников

1. Мосин С. А. К вопросу о неотъемлемых составляющих основ правового государства в Российской Федерации // Юридическая наука. 2014. № 1. С. 45–50.
2. Эбзеев Б. С. Толкование Конституции Конституционным Судом Российской Федерации: теоретические и практические проблемы // Государство и право. 1998. № 5. С. 5–12.
3. Жалинский А. Э. Обратная сила уголовного закона: правовые позиции Конституционного Суда РФ // Уголовное право. 2006. № 4. С. 13–18.
4. Мурашко Л. О. Конституционное правоприменение и его ценностная составляющая // Мониторинг правоприменения. 2018. № 3 (28). С. 4–8. <https://doi.org/10.21681/2226-0692-2018-3-04-08>.
5. Баранов В. М. «Квалифицированное молчание законодателя» как общеправовой феномен (к вопросу о сущности и сфере функционирования пробелов в праве) // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 1. С. 75–78.
6. Сайбулаева С. А. Функции Конституционного Суда Российской Федерации: некоторые вопросы теории и практики // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2018. Т. 1, № 2. С. 67–75.
7. Мальцев В. В. Принципы уголовного права и уголовного законодательства: система, содержание и нормативное выражение // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2003. № 1 (246). С. 110–127.
8. Иванов Н. Г. Принцип правовой определенности в уголовном праве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 4 (44). С. 161–166. <https://doi.org/10.24411/2078-5356-2018-10426>.
9. Метельский П. С. Уголовная ответственность за фальсификацию результатов оперативно-разыскной деятельности // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2019. Т. 16, № 3. С. 146–156. [https://doi.org/10.25513/1990-5173.2019.16\(3\).146-156](https://doi.org/10.25513/1990-5173.2019.16(3).146-156)
10. Борков В. Н. Конституционно-правовой смысл нормы о фальсификации доказательств по уголовному делу // Законность. 2024. № 4. С. 35–38.
11. Бриллиантов А. В. Хищение или неосновательное обогащение? // Уголовное право. 2016. № 4. С. 9–13.
12. Молчанов Д. М., Шевченко Е. Н. Проблемы определения момента окончания кражи и грабежа в судебной практике // Lex Russica (Русский закон). 2008. Т. 67, № 2. С. 347–364.
13. Хилота В. В. Присвоение потерянных и забытых вещей // Уголовное право. 2010. № 1. С. 45–48.
14. Хилота В. В., Бильдейко А. А. Находка или кража? // Уголовное право. 2014. № 3. С. 93–97.
15. Хилота В. В. Идентификация признаков мошенничества, присвоения и растраты в судебной практике // Уголовное право. 2015. № 5. С. 127–130